

С 29 октября по 1 ноября 2017 г. в Гейдельбергском университете состоялся семинар для молодых ученых, впервые организованный Совместной комиссией по изучению новейшей истории российско-германских отношений. Группа в составе 19 российских и немецких аспирантов и кандидатов наук представляла свои актуальные исследовательские проекты в рамках темы «**Новый взгляд на соприкосновение и взаимодействие германской и российской истории 19–20 веков в глобальном контексте**» и обсуждала их как с членами Комиссии, так и с приглашенными учеными. Наряду с проблематикой истории российско-немецких отношений, в фокусе конференции оказались новые методологические подходы.

Конференция была организована профессором, д.и.н. **Таней Пентер** (университет Гейдельберг) и профессором, д.и.н. **Александром Ватлиным** (Московский государственный университет). Наряду с ними Совместную комиссию представляли еще два историка – к.и.н. **Йорг Морре** (Германо-Российский музей Карлсхорст) и профессор, д.и.н. **Николаус Катцер** (Германский исторический институт в Москве).

Семинар открывал доклад **Андреаса Хильгера** (Гамбург/Москва) «Германо-российская история и глобальная история». Вначале докладчик охарактеризовал глобальную историю как составную часть общей тенденции плюрализации и отказа от догм в сфере методологии исторической науки. Сущность глобальной истории, с точки зрения Хильгера, сводится к следующему трио: отказ от евроцентризма, фокусирование исследовательской перспективы на взаимосвязях, контактах и переплетениях, преодоление дихотомии «национальное государство – нация» в качестве единственной аналитической категории. Хильгер указал на многочисленные тематические точки соприкосновения между глобальной историей и историей Восточной Европы, однако при этом высказался в пользу прагматической взаимной рецепции, которая «вписывалась» бы в вышеупомянутую тенденцию «раскрепощения» методологии.

Первая секция сконцентрировалась на немецко-российских отношениях в области науки.

Маргарита Колесникова (университет Йена) рассмотрела в своем докладе научный обмен в 18–19 вв. Этот обмен включал в себя как отправку русских студентов в университеты Германии, так и привлечение немецких ученых в целях создания академических институций в Российской империи. В качестве лакуны в историографии Колесникова идентифицировала роль, которую сыграл в этом процессе университет Йена. Последний конкурировал за привлечение русских студентов с такими ведущими университетами как Геттинген, а также эпизодически играл роль «академической родины» Готфрида Вильгельма Лейбница, который позднее внес значительный вклад в организацию Российской Академии наук в Санкт-Петербурге.

Надежда Фихтнер (Кассель) продемонстрировала в рамках этой же темы возможности биографического подхода. Свой доклад она посвятила историку античности Михаилу Ростовцеву, объяснив истоки тесных контактов Ростовцева с немецкой наукой как семейными традициями ученого, так и научными традициями царской России. Интенсивный научный обмен с немецкими коллегами открыл перед Ростовцевым, с одной стороны, карьерные возможности на родине, с другой стороны, контакты Ростовцева с Германией способствовали интенсификации восприятия русской историографии античности в остальном мире. Конец германофилии Ростовцева положил горький опыт Первой мировой войны и революции, который вынудил его в конечном итоге эмигрировать в США.

Олексий Саливон (Штутгарт) представил на секции «Стереотипы в долгом 19 веке» один из аспектов своей диссертации, посвященной «телесному опыту» солдат еврейского происхождения в период с 1815 по 1918 г. в трех крупнейших монархиях Европы. Частью этого исследовательского проекта является вопрос, в какой мере стереотипные образы евреев в антисемитских публикациях и карикатурах оказывали воздействие на самовосприятие евреев-

солдат. В своем докладе Саливон сконцентрировался на сравнении русских и немецких публикаций, таких как заметки в антисемитском немецком журнале «Wucherpille» и произведения Григория Богрова. Докладчик идентифицировал не только бытование транснациональных антисемитских стереотипов, но и национальную специфику в изображении евреев.

Доклады, прозвучавшие на секции «Противостояние, лояльность и идентичность в Первой мировой войне», в первую очередь продемонстрировали преимущества комплексного подхода: в обоих выступлениях подверглись сомнению расхожие трактовки определенных аспектов Первой мировой войны.

Игорь Баринов (Москва) занимается изучением группы русских офицеров из числа балтийских немцев. Баринов продемонстрировал, как балтийские немцы описывались и описываются как этносословная / этносоциальная группа, меньшинство немецкого происхождения или даже часть немецкой нации. В свою очередь Баринов характеризует балтийских немцев – офицеров как группу, находившуюся между двумя полюсами напряжения – династической лояльностью и этнонациональной принадлежностью. Большое число балтийских немцев – офицеров, обладая специфической идентичностью, сражались как немцы, верные царю, против Германской империи. Таким образом, Баринов стремится опровергнуть миф о Великой войне как о «борьбе славян против немцев».

Леонтий Ланник (Саратов) выступил с критикой представления, согласно которому Первая мировая война закончилась на Восточном фронте с подписанием мирного договора. Наряду с многочисленными лагерями гражданской войны, устремлениями к независимости различных наций и интервенционными армиями других великих держав, в 1918 г. на официально ликвидированном Восточном фронте не в последнюю очередь находилось под ружьем еще около 600.000 немецких солдат и офицеров. Эту ситуацию Ланник сравнил с современной обстановкой, сложившейся в Сирии. Докладчик призвал к транснациональным историческим исследованиям по ту сторону мифотворчества национальных историографий, дабы адекватно отобразить все многообразие исторических акторов, их мотивы и стратегии.

В рамках секции «Культурное восприятие и трансфер культур в межвоенный период» **Оксана Майстат** (Берлин) подвергла анализу восприятие в советском кинодискурсе 1920-х годов произведений венгерского теоретика кино Белы Балаша. Книга Балаша «Der sichtbare Mensch oder die Kultur des Films» была опубликована в Советском Союзе в двух переводах под названием «Культура кино» и «Видимый человек» соответственно в 1925 и в 1927 годах. На основании этих двух переводов Майстат показала наличие двух основополагающих образцов восприятия творчества Балаша. С одной стороны, советские деятели кино отчасти воспринимали произведение Балаша как практическое руководство, в тоже время клеймили его эстетическую теорию как буржуазную. С другой стороны, деятели искусства из лагеря формалистов сформулировали свою собственную теорию, размежевавшись все с теми же эстетическими размышлениями Балаша.

Наталья Копча (Фрайбург/Москва) описала аналогичные процессы в области литературы на примере политизированного восприятия творчества Достоевского немецким писателем и переводчиком Артуром Мёллером ван ден Бруком. Последний разработал свою националистическую идеологию не в последнюю очередь в результате написания 15 предисловий к немецким переводам Достоевского. Произведения Достоевского фигурировали здесь в первую очередь как проекционная поверхность для собственных идеологем ван дер Брука, что привело к существенной трансформации основных концептов русского автора. Так, Мёллер ван ден Брук интерпретировал концепцию русского народа-

богоносца и спасителя человечества Достоевского как политико-расистский образец для немцев.

В своем выступлении на секции «Террор, повседневная жизнь и культура во время немецкой оккупации» **Мария Кирпичникова** (Гатчина) представила актуальную репрезентацию истории Второй мировой войны в современной России на примере выставки, организованной Государственным историко-художественным дворцово-парковым музеем-заповедником «Гатчина» в 2015 г. Эта выставка фокусируется в первую очередь на повседневной жизни населения в оккупированной Гатчине и взаимодействии жителей с оккупантами. Материалы для выставки предоставили десять архивов, посетителей с ними знакомят с помощью современных музейных техник. В результате выставка не только завоевала успех публики, но и была отмечена как одна из лучших выставок по теме Второй мировой войны в России.

Станислав Аристов (Москва) сначала представил в своем докладе обзор системы национал-социалистических концентрационных лагерей на оккупированных советских территориях. Аристов дал определение концентрационного лагеря как места заключения, ориентированного на использование принудительного труда и физическое уничтожение заключенных. Он коротко коснулся архитектуры лагерей, роли коллаборационизма в поддержании лагерного режима, а также организации принудительного труда и массовых убийств. Основное ядро доклада составили наброски трех идеальных типов (Макс Вебер) лагерных комендантов.

Юлия фон Зааль (Мюнхен) выступила с докладом, посвященным теме советского военного детства во время немецкой оккупации и в период позднего сталинизма в Белоруссии. Фон Зааль подчеркнула необходимость говорить о военном детстве во множественном числе, поскольку оккупационная политика привела к биологической иерархизации детей и к трансформации институций детства. Поэтому анализ военного детства следует осуществлять дифференцированно, привлекая различные «пространства опыта» детей в годы оккупации, ставшие результатом этой политики. «Пространства опыта» белорусских детей простираются от партизанских отрядов до еврейских гетто.

Два доклада были посвящены преследованию национал-социалистических и военных преступников в Советском Союзе.

Дмитрий Асташкин (Великий Новгород) представил совместный российско-французский проект по данной теме. В проекте с обеих сторон задействованы девять исследователей, которые применяют целый набор методологических подходов к различным проблемным областям и временным периодам исследуемой проблемы (1949–1991). Асташкин обрисовал в своем выступлении центральные вопросы, которые ставит проект. Наряду с историко-юридическими аспектами, историк охарактеризовал процессы над военными преступниками как «точку доступа» к многочисленным вопросам социально- и политико-исторического свойства. Так, что касается Холокоста, механизмы вытеснения еврейского аспекта, присущие освещению судебных процессов в советских средствах массовой информации, являются объектом исследования, который выходит за рамки «чистой» истории судопроизводства.

Вольфганг Шнайдер (Гейдельберг) выступил с докладом о советских судебных процессах, на которых в качестве подсудимых по обвинению в коллаборационизме выступали члены еврейских советов различных гетто. Советская юстиция игнорировала особые условия, в которых приходилось действовать еврейским советам и судила их членов как коллаборационистов. Некоторые евреи, выжившие в условиях гетто и выступавшие на советских судебных процессах в качестве свидетелей, оценивали роль членов советов особенно негативно. Шнайдер объясняет это, во-первых, потребностью в наказании виновных, которая возникла у евреев в результате страшного опыта гетто. Кроме того, Шнайдер проводит

параллели между высказываниями просоветски настроенных свидетелей и советской трактовкой коллаборационизма. Докладчик полагает, что существует несомненная преемственность между данной трактовкой и шпиономанией, которая сопровождала Большой террор во второй половине 1930-х годов.

Кристина Филенко (Новокузнецк) посвятила свой доклад кинопродукции Третьего рейха как инструменту национал-социалистической пропаганды. Филенко вначале предложила обсудить предложенные ей различные типы классификации, с помощью которой она распределяет по группам около 200 проанализированных ею фильмов. Речь шла о содержательной классификации пяти типов национал-социалистических кинофильмов. Наряду с группой пропагандистских документальных фильмов, таких как «Триумф и воля», Филенко также описывает корпус сегодня менее известных художественных фильмов, пропагандировавших националистические мифы о жертвах, которые понесли этнические немцы, проживавшие за границами Германии („Friesennot“).

Кристина Танис (Санкт-Петербург) подчеркнула преобладание развлекательного кино над пропагандистскими фильмами в национал-социалистической киноиндустрии. За период между 1945 г. и 1957 г. около 100 трофейных развлекательных фильмов нашли свой путь в советские кинотеатры. При этом немецкое развлекательное кино сохранило свою функцию стабилизации режима: выпуская в прокат немецкие фильмы, советское руководство предлагало населению вентиль, позволявший избавиться от фрустрации повседневности. В то же время власть преследовала материальные интересы: именно немецкий трофейный фильм режиссера Георга Якоби «Девушка моей мечты» („Die Frau meiner Träume“, 1944 г.) стал самым финансово успешным фильмом в советском прокате 1940-х годов, всего его посмотрело больше 100 млн. зрителей.

Доклады, прозвучавшие на предпоследней секции семинара, были посвящены истории советского оккупационного режима в Германии.

Алексей Тихомиров (Франкфурт на Майне) анализировал практики визуализации оккупационного режима как советскую технику господства по ту сторону насилия и принуждения. Советская оккупация знаменовала собой в том числе внезапную замену национал-социалистической символики советской символикой. Население советской зоны оккупации / ГДР неоднократно реагировало на вездесущее присутствие в публичном пространстве символов советского господства «иконоборческими» практиками. Оккупационный режим тщательно отслеживал эти реакции населения, в итоге Тихомиров интерпретирует символическую политику власти и «иконоборчество» как посредников в процессе взаимной адаптации населения и оккупационного режима.

Роман Болдырев (Архангельск) изучает воздействие «трансфера» опыта советских чиновников на советскую оккупационную политику 1945–1949 гг. Болдырев сконцентрировал свое внимание на сотрудниках Советской военной администрации Германии (СВАГ) и подчеркнул, что все они принадлежали к одной и той же возрастной группе (1895–1905 годов рождения). Годы их социализации пришлись на революцию и гражданскую войну, в результате все они имели богатый опыт борьбы с военной разрухой и создания централизованной экономической системы. Однако применение этого опыта в советской зоне оккупации чаще всего терпело неудачу, сталкиваясь с повседневными практическими проблемами, такими как языковой барьер.

Заключительные доклады, представленные на конференции, были посвящены различным историям отношений и контактов периода Холодной войны.

Александр Фридман (Саарбрюккен) исследовал взаимоотношения между Люксембургом, СССР и ГДР. Начиная с 1970-х годов, Люксембург играл важную экономическую роль для советского блока, прежде всего в силу своего развитого финансового сектора. Поэтому ГДР и Советский Союз пытались подвигнуть Люксембург выйти из НАТО и заявить о своем нейтралитете. Фридман в первую очередь анализировал воздействие Восточного блока на коммунистическую партию Люксембурга посредством протестов в адрес международных съездов пресловутой Международной антикоммунистической лиги (World Anti-Communist-League), проходивших в Люксембурге в 1983 и 1986 гг.

Ирина Пархоменко (Бохум) представила доклад, посвященный такой антисоветской организации как Народно-Трудовой Союз (НТС). Докладчица подчеркнула научную важность своего исследования, указав на тот факт, что вплоть до сегодняшнего дня отсутствуют научные работы, посвященные деятельности НТС, существуют только исследования деятельности НТС, принадлежащие перу самих членов НТС, а также шаблонные оценки советской пропаганды. На основании сборника документов и материалов, опубликованного в 2016 г. Центральным разведывательным управлением США, у исследователей появилась сегодня возможность демифологизировать деятельность НТС. Так, например, НТС не был основан ЦРУ, американская спецслужба стала проявлять интерес к Союзу только в 1949 г.

Темой доклада **Алексея Сорокина** (Омск) являлся генезис и развитие представлений о Советском Союзе Конрада Аденауэра и Вилли Брандта. Сорокин характеризует образ СССР, сложившийся у Аденауэра, как следствие представлений образца 19 века, в которых Россия фигурировала как самодержавный колос с почти неутолимой экспансионистским голодом. Также важное значение имело убеждение Аденауэра в неизбежности масштабного вооруженного конфликта между Китаем и СССР. Что же касается видения Советского Союза Вилли Брандта, то Сорокин считает, что решающий отпечаток на него наложило глубокое разочарование социал-демократов развитием советского блока в направлении авторитаризма.

В ходе заключительной дискуссии участники пришли к положительному выводу, в первую очередь позитивной оценки удостоились открытая атмосфера конференции и готовность к дискуссии всех без исключения участников. Кроме того, выступавшие высказали организаторам целый ряд предложений, которые касались формы проведения в будущем конференций такого рода. Также участники конференции высказали пожелание, чтобы молодых ученых более интенсивно привлекали к деятельности Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений.